

18+

Бессмертника
несчастливые цветы

Павла Непомнящая Бессмертника несчастливые цветы

<https://litres.ru/74466687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Король мертв. По слухам, его убила фея, что сама не помнит этого. Сломанную и пустую, её везут в замок де Монфор, к канцлеру – палачу, который верит, что уничтожает скверну во имя богов. Что станет с поборником порядка, когда ненависть ко врагу перерастет в одержимость?

Убийство короля – лишь часть заговора. Кто-то хочет, чтобы война с феями продолжалась, но молчит. А в разрушенной башне замка спит древняя магия, которая может всё изменить.

Ламир, юный слуга церковного мага, случайно видит пленницу в подземелье. Его вера трескается, когда он понимает, что она – не чудовище. Что он поставит на кон, чтобы найти ответы? Свою душу? Свою жизнь? Свою веру?

Между ними троими – долг, одержимость и тайна, которая способна разрушить целый мир.

Содержание

Предупреждения	4
Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Павла Непомнящая Бессмертника несчастливые цветы

Предупреждения

«Бессмертника несчастные цветы» содержит сцены жестокости и затрагивает тяжёлые темы, которые могут вызвать негативные эмоции у части читателей. Пожалуйста, отнеситесь бережно к своему состоянию. Берегите себя!

Полный список предупреждений:

сцены насилия и жестокости;

физическое и психологическое насилие;

потеря памяти и идентичности;

жестокое обращение с пленными;

подразумеваемое сексуальное насилие (без прямого описания);

суицидальные мысли (в контексте сюжета);

бранная лексика;

смерть и кровь.

Пролог

Вначале был звон. Тонкий и протяжный, как дребезжащая струна, которую ущипнул неловкий палец музыканта.

Воздух наполнился прохладным, травянисто-сладким ароматом. Его источали темно-фиолетовые колоски цветов, что усеяли всю лесную поляну. *Лаванда*. Ветер зарывался в растения, как в волосы любовницы, и пожухлые листья шептали ему слова любви. Но Она не понимала этих слов. Может, потому что эта любовь – не для Нее?

Голова была тяжелой, при каждом движении тонкие колючки с медными колечками дребезжали, будто подражая насекомым в траве. Длинные рыжие волосы спутались и выглядели, как пакли, из локонов торчали трава и ветки, затылок почему-то был влажным, вниз по шее текло что-то теплое.

По-летнему выгоревшая, бесконечно высокая синева кружила голову. Жаркое марево плавило воздух. Из леса тянулся черный дым – плотной, тяжелой завесой, – растворяясь в бездонном озере неба. Если бы Она не лежала на земле, то тотчас бы упала вверх и летела бы так долго, что уже и позабыла бы, кем является.

А, к слову... *кто Она?*

Земля была рыхлой, влажной, комьями прилипала к пальцам и оставляла грязно-алые следы. Она привстала и поднесла руку к лицу, принюхавшись, скорее, ради любопытства,

а не чтобы выяснить причину причудливого цвета. Пальцы пахли металлом. Рядом лежала сломанная еловая ветка, при-
миная цветы. Из леса? Но лес был в паре прыжков от Нее,
а ветка – тут, совсем рядом. Там, в полутьме чащи хвойных
деревьев, что-то гудело. Ветер доносил до поляны и рев, яр-
кими огоньками плясали далекие языки пламени. Изредка
земля начинала дрожать, но это очень быстро заканчивалось.

В голове пусто. Она не помнила ничего. Из-за кустов ла-
ванды вверх взмыли большие черные птицы, вырывая друг
у дружки что-то, чего Она разглядела. Еще несколько сиде-
ло на ветках, любопытно оглядывая поляну. Большая часть
оставалась на земле, укрытая цветами, потому Она не могла
сказать, из-за чего животные ссорятся, но с их стороны раз-
давалось карканье, хруст и мокрые, чавкающие звуки.

*«Лаванда. Пусть меня будут звать Лавандой, раз я по-
явилась в таком чудесном месте!»* – восторженно подумала
Она, вставая.

Тело было тяжелым, непослушным. От напряжения заны-
ли кровоточащие раны. Лаванда с удивлением поглядела на
глубокие ровные порезы на бёдрах, что скрывались под ко-
жаными обмотками – тугие полосы, покрытые вытисненным
узором из переплетенных линий. Вниз ползли алые струйки,
пахнущие металлом.

Нагрудник был разорван: половина чешуйчатых пласти-
нок из бледного, переливающегося металла – не серебра, не
стали, а чего-то, что отливало перламутром и лунным све-

том, — валялась в траве, как оброненная чешуя речных рыб. Остальные всё ещё держались, закрывая стёганный жилет, на котором проступали выцветшие спирали. Она не почувствовала ничего, кроме странного покалывания, словно от сотни иголок, и хихикнула. Как забавно!

Сверху упало несколько невесомых хлопьев. Лаванда сморщила нос, но затем постаралась поймать первую снежинку ртом. На языке растекся привкус пепла, и Лаванда удивилась — какой сухой снег!

«Й...ль...» — шепнул ветер.

Лаванда оглянулась, надеясь найти нового друга, но никого, кроме птиц, не увидела.

«Й...и...ль...» — вновь послышалось... снизу.

Лаванда опустила свой взгляд в цветы. Нежный оттенок лепестков будоражил, порождая новое чувство, тугим комком скрутившее желудок. Как необычно! Там, наполовину поглощенные землей, лежали красивые существа. Кожа их отливала жидким оливковым золотом, она, если бы не черная копоть и грязно-багровые разводы, вспыхивала бы яркими солнечными искрами. Глаза этих существ были устремлены в небо, но они, пустые, как у мертвых рыб, ничего не видели. Из их ртов слышались булькающие звуки, и вместе с грязью оттуда вырывались слова:

«Йо...ри...ль... Оч... ни...сь!»

И Лаванда послушно открыла глаза.

Глава 1

*«Ветер носил наши имена,
но земля их забыла.
Мы пришли с песней,
а нас встретили молчанием.»*
– из собрания утраченных песен.

Погода не задалась с самого утра. Проливной дождь бился в окна и стучал по лакированному красному дереву кареты, которую нещадно мотало в разные стороны по размытой дороге. За несколько недель поездки Ламир устал созерцать виды бесконечных выгоревших полей, тянущихся до самого горизонта угольным полотном, точно саваном. Иногда эта понурая картина разбавлялась куцыми деревеньками да попадающимися на пути крестьянами.

Они кидались под колеса, завидев экипаж, запряженный четверкой лошадей. Кто-то молился, взывая к милости Триады, кто-то молча протягивал руки, кто-то показывал иссохшие тела малых детей, которые не пережили месяцы голода. Всадники, что сопровождали пассажиров, не несли ни стягов в руках, ни гербов на себе, потому селяне едва ли могли определить Дом или хотя бы чин того, кто едет внутри. Враг ли, друг – для тех, кто изнемогал, уже не было никакой разницы. А ведь впереди ждала долгая зима. Ламир великодушно прощал их невежество, хотя и не без легкого раздра-

жения, которое усиливалось с каждым часом.

Вечер рокотал громом в черных, низких тучах. В такую погоду все попрошайки забились в свои хлипкие дома, и на пути экипажу встречались лишь одинокие столбы. На них, раздираемые жуткими порывами ветра, раскачивались длинные тела. Свет от кривых молний, озарявших небо, бился о стекло экипажа и без спроса вваливался на пару мгновений внутрь. После этого рокота, в секунды тишины, Ламир слышал кроткую женскую мелодию, заглушаемую ненастной погодой. Юноша мог бы сослаться на случайность или проходящих мимо женщин, если бы не улавливал одну и ту же песню который день подряд.

Ламир наблюдал за мутными каплями, что наперегонки скатывались вниз. Их мерное покачивание в экипаже сопровождал лишь скрип колес, фыркание лошадей да лязганные доспехов сопровождающих. Два пузатых фонаря внутри экипажа неуклюже покачивались и скрипели. Тусклый свет от свечей внутри дергался, порождая тени вокруг себя. Господин Фогель давал о себе знать легким шелестом перелистываемых страниц. В этом невысоком, весьма костлявом мужчине, который скрывал свое тело за широкой темно-пурпурной мантией, было сложно угадать лорда-авгура.

Духовенство церкви Триады всегда выглядело внушительно, будто суровые боги вот-вот спустятся и дланью своих слуг покарают неверующих или оступившихся. Но церковный маг, занимающий один из самых высоких санов, был

слишком... обычным. Бледное вытянутое лицо его не выражало, как правило, ничего, кроме скуки или отстраненности. Первые глубокие морщины, намекающие, что мужчина уже как лет тридцать перестал быть юнцом, паучьими лапками отходили от внешних уголков глаз. Седые, редкие волосы всегда были зачесаны назад, но через них слишком хорошо виднелась пятнистая кожа черепа.

Карету вновь дернуло. Юноша едва удержался на мягком сидении, вцепившись в бархатную обивку пальцами, чтобы не улететь на колени к господину Фогелю. Их тут же потянуло назад, деревянная конструкция завывала, как зверь, звякнули позади цепи, тянувшие за каретой длинный короб, больше напоминающий гроб.

Ламир старался не думать о том, что находилось позади. Господин Фогель почти ничего не говорил о цели их поездки, но в Дом де Монфор не катаются с дружескими визитами. “Ждем у порога”, – гласит их девиз. И юноша не помнил, чтобы эта семья ждала чего-то приятного.

– Вот уж ненастье... – пробурчал Ламир, оглядываясь назад. Будто бы сквозь стену можно было разглядеть поклажу, что тянулась за экипажем.

Господин Фогель поднял на юношу светло-серые, безжизненные глаза. Всякий раз Ламир съеживался от странного холодка, что пробегал по спине. Хотелось отвернуться, а лучше – уйти, чтобы избавиться от ощущения холодных пальцев, залезающих под ребра.

– Что же вас так удручает, уважаемый Ламир?

Лорд-авгур сказал последние слова без ехидства, но прозвучали они скомкано и противно, как застрявшее в глотке недожеванное мясо. Если бы не отец Ламира, не видать юноше места подле придворного мага. Больше книг Фогель любил сделки: общество юнца в обмен на крупные выплаты в угоду исследованиям мага. Мужчина закрыл измятые сшитые листы, что читал, почти не отрываясь, несколько последних дней. Он выменял их в постоялом дворе. Это были краткие очерки о жизни крестьян, записанные немногочисленными грамотными мужами. Ламир не находил в этом занятии ничего интересного. По его мнению, крестьяне жили не более увлекательно, чем скот, который они же выращивали, чтобы осенью пустить под нож. Юноша сдержанно кашлянул в кулак.

– Эта сырость... эти дороги... эта... – он вновь обернулся, но тут же воровато отвел взгляд. – Не маловато ли сопровождения? Времена нынче беспокойные.

Тонкие брови господина Фогеля удивленно поползли вверх.

– Мой дорогой Ламир, неужели вы боитесь разбойников? Разве не ваш отец дал мне блестящую рекомендацию, где описывал, как виртуозно вы владеете сталью?

Юноша почувствовал, как к щекам приливает предательский румянец.

– Ну что вы, господин Фогель! Пока я рядом, клянусь: ни-

какое отребье от самого Клермона до Тулуза нас не побеспокоит!

Где-то наверху темное рыхлое небо озарила яркая вспышка, разгоняя сонные тени, что блуждали внутри их экипажа. Ламир вздрогнул, а затем еще раз, когда за бледным светом последовал оглушительный раскат грома. Словно Триада гневалась на их груз и желала всячески остановить богопротивную процессию. Ветер путался с далекой мелодией. Трепал ее, как волосы девицы, то подбрасывал вверх, унося далеко от невольных слушателей, то почти на ладонях, как родниковую воду, подавал к самым окнам.

В это мгновение юноша готов был поклясться, что в глазах господина Фогеля блеснуло что-то недоброе. Так может смотреть кошка, зажавшая в своих когтях издыхающую добычу. Она не голодна. Ей просто... *любопытно*.

– А от тех, что *до* Клермона? – голос мага был сухой, как плесневые крошки, и почти так же ощущался.

Краем уха юноша услышал мелодичный женский голос, который пел то ли колыбельную, то ли панихиду. Ламир положил руку на грудь – там, где под кафтаном покоился символ Триады.

– Молитвой грозу не изгнать, – сухо констатировал Фогель, не дождавшись вразумительного ответа, и вновь уткнулся в записи.

– Я... я не боюсь грозы.

Мелодия то затихала, то вновь нарастала, заглушаемая ро-

котом грома. Каждая нота – рокочущий прибой, бившийся о мокрые скалы. На Ламира то накатывала, то отступала животная тревога. Неосознанная, первобытная.

– Власть начинается там, где заканчивается невежество. Гроза – это исключительно природное явление, не имеющее связи с гневом нашего божества.

– Я... я уже объяснил, господин Фогель: я не боюсь непогоды.

– Варвары, в отличие от грозы, вполне приручаемы, хотя и с бурей можно управиться.

– При всем уважении: дождь не снимает скальп с зашедших в лес путников. И не оставляет кровавые послания кишками на камнях.

– Ты прав. Бестии страшны не своим видом. Они не имеют ни клыков, ни когтей. На их стороне... неизвестность.

Будто бы вторив речам лорду-авгуру, небо озарила очередная вспышка. Дождь хлестал в окна, вознамерившись продавить стекло. В мгновения тишины треклятая мелодия настойчиво нарастала, гоня мурашки по телу Ламира, но господину Фогелю, кажется, нравилась данная сцена. На тонких губах можно было заметить едва уловимую улыбку.

– Варвары скрываются за густыми чащами. В непроходимых горах. Оставляя нас лишь гадать: откуда они появятся в следующий раз? Когда нанесут удар? Они - ужас из фольклора, байки, приукрашенные горе-рассказчиками, чтобы история была страшнее.

Ламир сглотнул, вспоминая истории о кровожадных феях:

– Н... но я же видел! Я видел тела, и лес...

– Не все из этого – неправда, согласен. Однако, большая часть истины скрыта от нас, и наш пылкий мозг додумывает такие детали, которые и вовсе никогда не существовали, – голос Фогеля звучал по-менторски ровно.

– Я знаю достаточно об этих отродьях, чтобы бояться. Они опасны. Их магия – ересь. Они созданы, чтобы уничтожить нас.

Их перебил грохот, от которого задрожали окна экипажа. Лорд-авгур, выдержав паузу, продолжил:

– Каждый раз, когда звенят цепи, ты изнемогаешь, теряясь в догадках, – Фогель перевернул страницу длинными пальцами, на фалангах которых отпечатались несмываемые темно-синие пятна чернил. – Боишься правды?

– Я не боюсь, – сипло выдавил Ламир.

– Тогда почему не спросишь?

Ламир, как выброшенная рыба на берег, открыл было рот – и тут же закрыл.

– Потому что ты боишься знать. Покуда человек или общество охвачены невежеством, они являются объектом манипуляций, а не субъектом принятия решений.

От светильников исходил теплый, чуть подрагивающий свет, и по бледному лицу господина Фогеля блуждали странные тени. Ламир сжал зубы. «Невежа?» – мысль обожгла его,

как пощечина. Он стиснул пальцы на колене и перевел взгляд на окно.

– Ч-что... что мы везем?

Господин Фогель слабо усмехнулся, как делают игроки, уверенные в своей победе еще в начале партии. Пауза затянулась настолько, что Ламир уже перестал ждать ответа.

– Подарок, – наконец, отозвался лорд-авгур. – Для человека, который их не любит.

Всю оставшуюся ночь юноша провел наедине со своими мыслями, уставившись в окно, пока не провалился в беспокойный сон, убаюканный ненавистной мелодией.

Ему снились поля, подернутые темно-серой тяжелой дымкой. Вокруг стоял запах гари и раскаленного железа, от горького кома в горле было тяжело дышать. Обглоданные огнем, почерневшие тела деревьев-исполинов лежали, как выброшенные на берег левиафаны. Неповоротливые, недвижимые, молчаливые. Толстые палки, не более.

Ламир не участвовал в той кампании, но, благодаря отцу, он выступал переговорщиком в обмене... ресурсами. Земли за Клермоном дробили и рвали. Все знатные дома ощерились, как волки, и глодали части кровоточащей земли. От нее почти ничего не осталось, лишь груды пепла, где некогда росли деревья, жившие тысячи лет. Дальше никто не сошелся. Горы, несмотря на разгромную победу над варварами, оставались неприступными.

Ламир почти не видел тел, но он запомнил запах: сладко-

вато-кислый, с привкусом гари и металла. Этот запах разгоняли ветра, которые вместе со свежестью и холодом несли... песню из многих голосов, как поднимающееся из тьмы ущелья эхо. Едва уловимую, далекую, но от нее непроизвольно сжималось сердце.

Юноша открыл глаза, почувствовав, что убаюкивающая тряска прекратилась. За долгие дни странствий качка стала почти что необходимой, и, почувствовав изменения, он поморщился, заглянув в окно. Дождь кончился, и урчащие тучи заменили темно-серые, высокие облака. Где-то далеко черным частоколом высился еловый лес. Пахло мокрой землей и той сыростью, что бывает, когда лето уступает свой пост осени. Холод пробирался даже в их карету, неприятно покалывая пальцы ног. Ветер завывал где-то над крышей, принося отголоски мелодии из сна.

Прямо перед экипажем выросла высокая крепостная стена из черного камня, густо оплетенная диким плющом. Темно-зелёные побеги уже через несколько лет скроют ее целиком – как накидка убийцы скрывает оружие. Всадники перекрикивались с людьми на стене, но их голоса тонули в карканье воронья. Птицы кружили у прибитых к стенам голов. Посеревшая от солнца и времени кожа свисала лоскутами, раскачиваясь на ветру; пустые, изъеденные глазницы смотрели куда-то за горизонт. Падальщики садились на облезлые макушки, силясь оторвать длинные фейские уши – ценный трофей, из-за которого отряды устраивали склоки.

Ламир отвернулся, чувствуя подступающий приступ тошноты. Он вытянул из кармана кожаного жилета надушенный платок, уткнувшись в него носом. Юноша не сразу заметил, как господин Фогель с беспристрастным интересом ученого наблюдает за ним.

– М... мы прибыли, полагаю? – попытался разбавить неловкое молчание паж.

Мужчина медленно, по-кошачьи перевел взгляд с мальчишки на окно, там, где перед замком простирались желто-зеленые поля.

– Полагаешь правильно. Как прибудем на место, проследи, чтобы груз доставили в целостности.

Ламир не хотел снова ударять в грязь лицом и кивнул, хотя внутренности неприятно сжало в тугой комок. Он списал это состояние на последствия долгой тряски. Экипаж дернулся, и мерное постукивание копыт по земле сменилось звонким цокотом подков, отбивающих брусчатку. Юноша прикрыл глаза, чтобы вновь не встретиться с головами варваров.

Громадные чугунные ворота тяжело и со стоном закрылись за ними. Первым вышел господин Фогель, легко, по пути надевая кожаные перчатки. Ламир шаткой походкой спустился следом, тут же машинально приложив к носу платок.

Внутренний двор замка де Монфор был не более привлекателен, чем темные стены. Везде - серость: небо, брусчатка, колодец с железной решеткой, стоявший на середине, как

трухлявый пенёк посреди сгоревшего леса. Видимо, он был единственным строением, цепляющим взгляд. Внутри ничего не росло, лишь в отдалении, как липовая аллея, высились деревянные столбы для казни.

Справа несло конским духом от конюшен. Те кони, что с интересом выглянули из своих стойл, стояли прямо, молча, их интерес выдавало лишь движение ушей. Все как один – гнедые, лоснящиеся, огромные боевые твари, ноздрями ловящие незнакомые запахи прибывших лошадей-иноземцев.

Ни птиц, ни дуновения ветерка. Ламир непроизвольно обернулся на крепостную стену, лишённую бойниц, словно замок не желал смотреть на мир, а, наоборот, хотел отгородиться от него. На башнях, меж зубцами, сверху смотрели молчаливые люди. Горло пересохло, внезапно захотелось пить. Сесть. Сделать хоть что-нибудь, чтобы не чувствовать себя запертым в этом каменном мешке.

Взгляд его скользнул по ящику – высокому, сколоченному наспех, с двумя грязными колёсами. Цепи, крепившие его к экипажу, всё ещё блестели от дождя. Единственное окошко было закрыто решёткой.

Там, в темноте этого тесного ящика, и находился... *подарок*. Ламир сглотнул. Ему казалось, что вот-вот из окошка покажется огромная когтистая лапа. Или, того уже, снова зазвучит мелодия, преследовавшая его всю дорогу.

– Ламир.

Юноша вздрогнул, повернувшись на господина Фогеля.

Лицо лорда-авгура выдавало едва заметное раздражение, которое по ошибке можно было бы принять за усталость. Видимо, мужчина повторил имя пажа уже несколько раз, но за своими мыслями юноша этого не услышал. Ламир засеменил к карете, на полпути резко остановившись, когда, огибая экипаж, заметил еще одного человека, все это время мастерски скрывавшегося от взора юноши.

– Мессир Дюваль! Какая приятная встреча. Я знал вас еще пухлощеким карапузом, когда гостил у вашего батюшки в Бардо. Как он поживает?

Человек был невысоким, Ламир бы даже назвал его щупловатым. Темно-синий шерстяной камзол почти по-женски подчеркивал тонкую талию. Из украшений – только щегольской кружевной платок на шее да тонкое серебряное кольцо на большом пальце. На вид мужчине было не больше тридцати: кожа была гладкой, бархатистой, без намека на щетину.

– В добром здравии, благодарю, господин... – поморщился Ламир, пытаясь отыскать в закромах памяти имя незнакомца.

– О, прошу, не стоит формальностей! – едва заметно рассмехался мужчина, но по-лисий раскосые глаза его не улыбались. – Этьен, Этьен Верне. Боюсь, моего фамильного имени вы не услышите ни на балах, ни на охоте. У знатных господ я – как прохладный бриз в летний зной: всегда желанный, но как само собой разумеющийся.

– Рад нашему знакомству лично, господин Верне. Жаль,

что вы не гостили у нас чуть позже, когда бы я смог запомнить ваше лицо.

Ламир учтиво, едва заметно кивнул – типичный жест при вежливом общении с простолюдинами. Это, вкупе с обращением, применимым к церковникам, либо к людям без титула, почти согнал дружелюбную улыбку с лица Этьена. Уголки губ его дрогнули, мужчина ухмыльнулся, зачесав густые светлые пряди назад.

– Что же, полагаю, у нас еще будет время как следует познакомиться! Ночи в замке де Монфор длинные. Порой, излишне холодные. Хорошо было бы скрасить вечер-другой в приятной компании, а не плутая по бесконечным пустым коридорам, верно? Что вы, Отто! Не смотрите так, я отвлекся лишь на пару минут, чтобы поприветствовать вашего... как вы его называете?

– Я – камер-паж господина Фогеля, будет вам известно, – подбоченился Ламир, добавив, – Я сопровождаю и выполняю поручения различного характера господина Фогеля.

Этьен беззвучно и мягко хлопнул в ладоши, тепло улыбнувшись.

– Отто, а я и не знал, что вам понадобится личный служка! Так значит, мой дражайший Ламир, ваш господин доверяет вам свои ночные горшки и бритву?

Лорд-авгур не выразил ни тени неудовольствия, в то время как Ламир залился краской.

– Довольно, советник, – вмешался Фогель, лениво обводя

взглядом двор и останавливаясь на огромных дубовых дверях замка. — Я хочу покончить с формальностями как можно быстрее.

— Верно говорите! Вы наверняка устали с дороги. Идемте, угощу вас своими запасами вина и интересной беседой. Уж за эти долгие недели вы наверняка изголодались и по тому, и по другому.

Этьен фамильярно положил руку на спину лорду-авгуру, приглашая его последовать вперед, но после обернулся на юношу.

— Любопытная у вас поклажа, — мужчина лишь мельком взглянул на короб. — Прямо как музыкальная шкатулка!

Двое последовали дальше по внутреннему дворику, оставив Ламира возле экипажа и трех вооруженных мужчин, что отсоединяли цепи и намеревались тащить короб куда-то дальше. Пара всадников лорда-авгура, нервно озираясь во круг, стаскивали с крыши экипажа тяжелые сундуки и мешки с вещами.

Люди замка де Монфор были так же молчаливы, как их кони в стойлах. Стражники тащили ящик, их кольчуги бряцали при каждом шаге. Забрала были опущены, образуя лишь узкие черные щели вместо глаз. Ламир шёл рядом, чувствуя аромат немытых тел и мокрой шерсти. Он почти потянулся к платку, но вовремя осекся.

Стены встречали их алыми стягами. На гербе Дома де Монфор чернела дверь с серебряным глазом. Ламир вжал

голову в плечи и пошёл быстрее, стараясь не думать о том, что ему, возможно, предстоит встретиться с канцлером.

Скрипели колеса, продавливая камень под собой. Мужчины завернули за угол замка, ошестинившегося острыми башнями. Стрельчатые шпили уходили в серое небо, как пальцы, сжатые в молитве – или в проклятии. Камень был темен, с четкими гранями, словно его рубили не для того, чтобы строить, а чтобы отсекать что-то.

Окна – узкие, вытянутые вверх, с каменной резьбой, которая не украшала, а стягивала их, как сухожилия. Узоры были грубыми, рублеными – не цветы и не листья, а ломаные линии, тянущиеся ввысь, как будто сам камень пытался сбегать от земли.

Здание казалось приземистым, вросшим в землю, но башни тянулись вверх, нарушая этот обман. В отличие от мраморных замков юга – светлых, высоких, с круглыми окнами и балконами, – это пристанище напоминало склеп, который забыли закрыть. Ни музыки, ни приятных запахов. Только холодный ветер, свистящий в каменных кружевах окон, да редкие голоса, которые звучали глухо, будто из-под земли.

Застонала проржавевшая железная решетка. Ламир вздрогнул, промаргиваясь. Они подошли к широкому пандусу, уходящему под наклоном прямо внутрь замка. Посередине тянулся неглубокий желоб – сточный канал, выведенный за пределы стен, чтобы нечистоты не застаивались внутри. Но дно его было сухим, а стенки – тёмно-бордовыми, будто

их долго пропитывала густая вязкая жидкость, осевшая на камне и застывшая коркой.

В лицо Ламиру пахло сырой землёй и нечистотами. Он прикрылся рукавом, но ящик уже тронулся. И вновь, сквозь стон колёс, он услышал песню. Ту самую. Долгую, тягучую, на незнакомом языке, с множеством гласных.

Он глянул на узкое окошко и поежился.

– Тебя долго ждать, принцесса? – окликнули его из полутьмы.

Ламир набрал воздуха, чтобы ответить, но запах ударил с новой силой, и он только прокашлялся, махнув рукой. Сстиснул зубы и поплелся следом.

Коридор петлял, сужаясь, как чрево змеи-исполины. Факела горели через один, скупо освещая тёмно-серый, покрытый пятнами камень. Ноги чавкали в чём-то, но Ламир был слишком зол, чтобы обращать на это внимание. По бокам чернели проемы, уходящие во тьму. Вскоре в стенах показались решётки камер, от которых пахло гнилой соломой и сыростью. Кто-то кротко покашливал, но стража стучала по железу латными руками, и кашель мгновенно стихал.

Они остановились у последней, замыкающей тупик камеры. Прутья здесь были толще и чаще. Внутри – ни окна, ни факела, только холод, тянущийся от сырого каменного пола. Один из мужчин перехватил меч, встав у узкой двери ящика. Второй скрежетал ключом в замке.

Ламир отступил на шаг. Он смотрел на потемневшее от

непогоды дерево и не знал, чего ждать.

Дверь скрипнула и открылась. Редкий, подрагивающий от сквозняка свет, выцепил изнутри тощее, невысокое тело, одетое в ткань из-под холщового мешка. Это была... девушка. Скованная цепями, как паучьим коконом, с тонкой смуглой кожей, что в полумраке отдавала оттенками лесной зелени. От бестии несло нечистотами и конским потом, ноги были черными от засохшей грязи, все в длинных, гниющих ранах, в которых что-то копошилось. Короткие рыжие волосы топорщились ежиком в разные стороны, как у птенца. На лице проржавел металлический намордник с узкими прорезями для носа. Но глаза ее, блекло-зеленые, как болотная ряска, смотрели без страха или ненависти.

Понять, что это не человек, а фея, можно было по длинным острым ушам. Тварь мурлыкала под нос мелодию, но намордник не позволял разомкнуть челюсти. Завидев Ламира, она замолкла и улыбнулась – это было видно по глазам. Искренне, почти как ребенок.

Юноша отшатнулся в порыве брезгливости и нахлынувшим неясном чувстве. Он *хотел* ненавидеть, но почему-то не чувствовал ни ярости, ни ненависти. Только смятение.

Фею тем временем выволокли из ее тюрьмы, чтобы кинуть в новую, попросторнее. Позади нее волочились длинные, полупрозрачные жилистые крылья, как у стрекозы. Она так и рухнула на пол, в цепях и наморднике, громко звякнув металлом. Дверь за ней закрыли, но Ламир был готов поклясть-

ся, что фея продолжала таращиться на него, будто бы это он был взаперти, а не она.

На негнущихся ногах он подошел к решетке, перехватив факел со стены, чтобы получше разглядеть тварь. Их... описывали иначе. Как длинных, изломанных созданий, похожих на людей, чтобы было легче заманивать жертв в леса, легче обманывать. Но эта... выглядела *совсем* как человек. Почему она выглядит как человек?!

Фея поерзала, как гусеница, не имея возможности ни расправить крылья, ни опереться на руки, чтобы встать. Но лицо ее не выражало замешательства, скорее, на нем отображалось ребяческое любопытство.

– Ты... понимаешь меня? – Ламир не узнал свой сиплый голос.

Тварь перестала звенеть цепями, вновь повернув на него голову. Она что-то промычала, с удивлением заметив, что ни единого слова не вырвалось из намордника. А затем просто-душно кивнула. В полутьме ее большие глаза по-звериному хищно блеснули, точно два огонька.

– Не говори с этим. Теперь оно - собственность канцлера, – мужской голос, как раскат грома, заставил Ламира вздрогнуть. Рука в латной перчатке грубо оттянула юношу от решетки.

Обратную дорогу он помнил слабо. Кажется, его проводили. Что-то спрашивали, но он не мог ответить. Горло было сухим и саднило при каждой попытке сглотнуть слюну. Свет

внутреннего двора ослеплял. Казалось, Ламир до сих пор слышал ту мелодию. Долгую, вязкую. Она немым вопросом застыла комом в глотке. Въелась в подсознание, как невыразительный взгляд зеленых глаз. Как болотная ряска, потянись за которой – и утонешь. Ламир резко согнулся, извергая из себя содержимое желудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.